ISSN 0132-2141

№ 1

Николай АГНИВЦЕВ

ГРАНИТНЫЙ БАРИН

Прощайте, немцы, греки, турки,
И здравствуй, русская земля!
В своем я снова Петербурге,
Я снова русский! Снова — «я»!

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА
№ 1
(1085)
ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

Николай АГНИВЦЕВ

ГРАНИТНЫЙ БАРИН

Составитель Виктор ШИРОКОВ
Рисунки В. МОЧАЛОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1990

РУССКИЙ БЕРАНЖЕ

Шарж работы В. Н. Дени (публикуется впервые).

Недавно исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Яковлевича Агнивцева (1888—1932).

Сегодня мало кто знает его блистательные, остроумные стихотворения. Разве что завзятые книгочеи обратили внимание на его имя в книге «Русская стихотворная сатира 1908—1917 гг.» (большая серия «Библиотеки поэта»), причем в книгу «Поэты «Сатирикона» в той же престижной серии стихи его, увы, не включены. Между тем стихи «русского Беранже» (как он сам себя порой называл) были весьма популярны в 20-е годы, их исполнял известный актер Н. Ходотов, автор книги воспоминаний «Близкое — далекое»; кое-какие положил на музыку и напевал А. Вертинский, они нравились К. Чуковскому, В. Маяковскому, И. Эренбургу...

Николай Яковлевич родился в Москве, в семье известного юриста. Вместе с отцом объездил Дальний Восток, а в гимназии учился в Благовещенске. Поступил в Петербургский университет, но его не окончил, может быть, потому, что начал печататься...

После революции кочевая судьба забросила Н. Агнивцева через Константинополь в Париж, там поэт испытал приступы жгучей ностальгии и уже в 1923 году вернулся на родину, где через три года издал своеобразное «избранное» — «От пудры до грузовика», куда вошли стихи о принцессах и фрейлинах, о «блистательном Санкт-Петербурге» (так называлась его берлинская книжка), о моссельпромщице и беспризорниках... И хотя оставшиеся годы жизни поэт много и интенсивно работал, преимущественно для детей и эстрады, ни одной «взрослой» книги больше не появилось вплоть до наших дней. Впрочем, в Париже и даже в Сан-Франциско его сборники на русском языке продолжали появляться.

Думается, сегодня, в дни активного возвращения в литературу и в широкий читательский обиход многих незаслуженно забытых имен, Николай Агнивцев обретет новых друзей и поклонников, почитателей остроумной шутки, изящной иронии и гротеска, искрометного юмора.

Виктор ШИРОКОВ

ЛЕДА И ЛЕДИ

ИШАК И АБДУЛ

1

Раз персидскою весною
Шел Абдул к Фатиме в дом
С нагруженным косхалвою
Очень глупым ишаком...

Шел Абдул и пел: «Всю ночь-то
Процелуюсь я! Да как!!!
Ты ж не будешь! Оттого, что
Я — Абдул, а ты — ишак!»

Так, смеясь весьма ехидно
И хватаясь за бока,
В выражениях обидных
Пел Абдул про ишака:

«Вот идет со мной ишак!
Он один, а глуп, как два!
Ай, какой смешной ишак!
        Вва!»

2

И, придя к ней, стук в окошко:
«Вот и я, Фатима, здесь!
Целоваться вы немножко
Не интересуетесь?!»

Но она ему на это
Отвечала кратко, что
Мужу, старому Ахмету,
Не изменит ни за что!

Он сказал: «Ай, как вы строги!»
И ушел домой он... так!
И обратно по дороге
Про Абдула пел ишак:

«Вот идет со мной ишак!
Он один, а глуп, как два!
Ай, какой смешной ишак!
Вва!»

СТУДЕНЧЕСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Справа — дружный топот,
Слева — страстный шепот,
Там курсистка Лена
Мучает Шопена,
Тут из горла Оли
Просятся «бемоли»,
Здесь две диких дамы
Вместе тянут гаммы...

То мальчишке Гришке
Всыпят за делишки,
То он сладострастно
Гаммам подпевает,
То ему ужасно
Кошкин хвост мешает...

...Ноет балалайка,
Тренькает хозяйка...
Ну, а рядом с чувством,
Болен весь искусством,

Брат телеграфиста
С помощью лишь свиста,
Как на откупу,
Жарит «ки-ка-пу»[1]...

В ДУХЕ ВРЕМЕНИ

Сердце трепещет, как дикая лань,
Хочется очень усиленной ласки!..
Ах, от отсутствия Надей и Тань
Липнет на сердце какая-то дрянь:
Так... что-то вроде оконной замазки!

Взор застилает истомная муть,
Мысли по весу равняются олову...
Нет-с! Не могу! Прочь, тоска! Будь не будь:
— *«Экстренно треб. инт. свободная грудь,*
Чтоб преклонить инт. усталую голову».

«ФИ!»

С томной Софи на борту пакетбота
Плыл лейтенант иностранного флота.
Перед Софи он вертелся, как черт...
И, завертевшись, свалился за борт!

В тот же момент к лейтенанту шмыгнула,
Зубы оскалив, большая акула!..
Но лейтенант не боялся угроз
И над акулою кортик занес!

---

[1] Танец. *(Все примечания даны составителем).*

Глядя на это в смущенье большом,
Вскрикнула, вдруг побледневши, Софи:
«Ах, лейтенант! Что вы? Рыбу — ножом?!
— Фи!»

И, прошептавши смущенно «Pardon», —
Мигом акулой проглочен был он!

СЛОН И МУХА

Однажды некий толстый слон,
Красою мухи поражен,
К той мухе, словно феодал,
Преступной страстью воспылал!

Но муха, быстро рассудив,
Что толстый слон, хоть и красив,
Но все ж велик для жениха,
Взяла и скрылась... от греха!

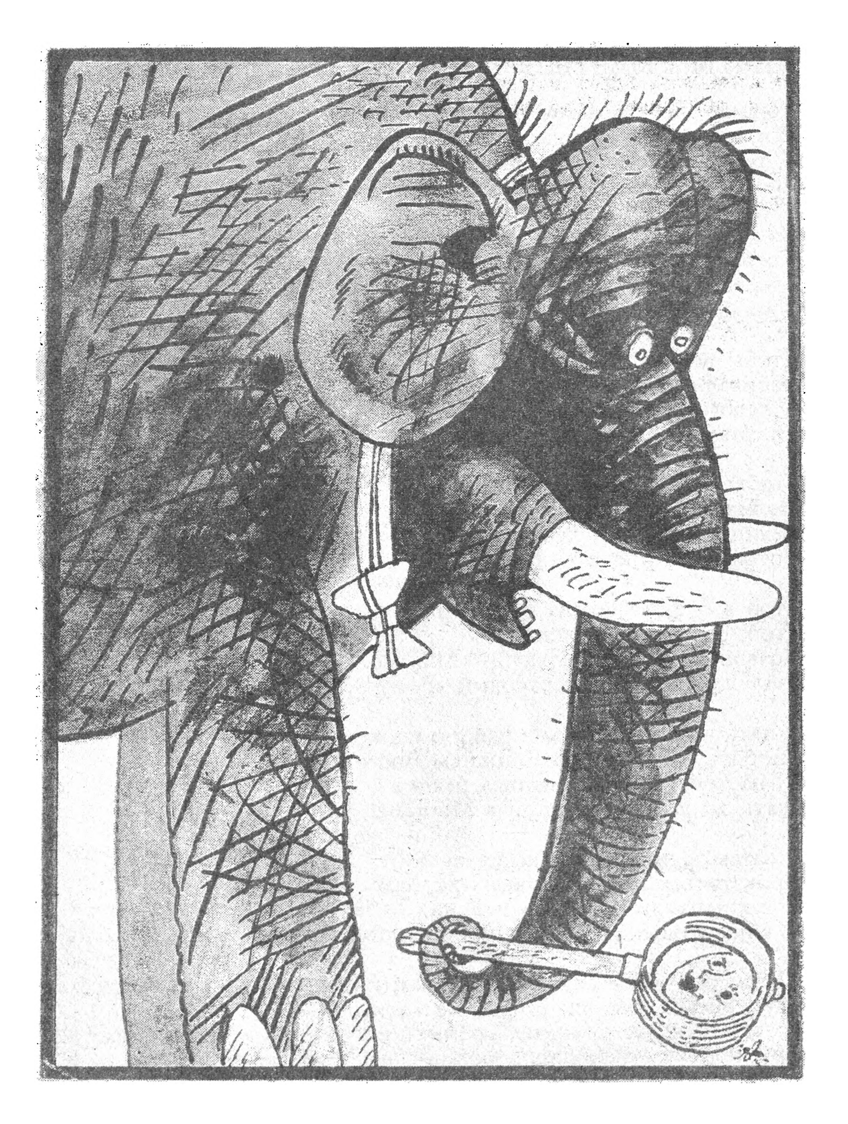
Влюбленный слон не пил, не ел,
Влюбленный слон худел, бледнел
И таял, таял по часам...
«Dans chaque malheure — cherchez la femme!» [1]

И, как французский томный граф,
Он умер, тихо прошептав:
«Не для меня придет весна»...
Так муха слопала слона!

Отсюда ясно, что слоны
Влюбляться в муху не должны,
Зане на сей предмет для них
Судьба назначила слоних!

---

[1] В каждом несчастье — ищите женщину! *(фр.)*

МЕЧТЫ!.. МЕЧТЫ!..

Хорошо, черт возьми, быть Карнеджи,
Жить в каком-нибудь, этак, коттедже
И торжественно, с видом Сенеки,
До обеда подписывать чеки!..

На обед: суп куриный с бифштексом,
После чай (разумеется, с кексом),
В крайнем случае можно и с тортом,
Вообще наслаждаться комфортом.

Чтобы всякие там негритосы
Набивали тебе папиросы,
А особые Джемсы и Куки
Ежедневно бы чистили брюки!

Чтобы некая мистрис прилежно
Разливала бы кофе и нежно
Начинала глазами лукавить,
Потому что иначе нельзя ведь!..

Чтоб в буфете всегда было пиво,
Чтоб, его попивая лениво,
Позвонить Вандербильду: — «Allo, мол,
Взял ли приз ваш караковый «Ромул»?!»

В пять часов на своем «файф-о-клоке»
Спорить с Гульдом о Ближнем Востоке
И, на тресты обрушившись рьяно,
Взять за лацкан Пьерпонта Моргана!

А затем в настроенье веселом
Прокатиться по всем мюзик-холлам
И в компании с лучшими денди
Исключительно пить «шерри-бренди»...

...Если же денег случайно не хватит
(Ну... Китай, что ли, в срок не уплатит...),
То вздыхать не придется тревожно:
Призанять у Рокфеллера можно!..

...Хорошо, черт возьми, быть Карнеджи,
Жить в каком-нибудь, этак, коттедже
И, не сдав даже римского права,
Наслаждаться и влево, и вправо!

ЯНВАРСКИЕ РИФМЫ

Мое пальто — предел мечтаний,
Мое пальто — венец желаний,
И, отвечаю рубль за сто,
Что никогда, никто,
Ну, ни за что
Не видел лучшего пальто!
Его воспеть не в силах бард,
А оценить ломбард!..

Клянусь текущим январем:
Нет даже пятнышка на нем,
Пальто моем!..
Что за покрой?! Что за сукно?!
Но
Не нравится мне лишь одно:
Оно... оно...
Да.. летнее оно!

ЛЕДА И ЛЕДИ

Между статуй прямо к Леде
Шла по парку гордо Леди...
А за нею чинно следом
Шел лакей с шотландским пледом.

И сказала строго Леди,
Подойдя вплотную к Леде:

«Шокинг!» И за этим вслед
Завернула Леду в плед!

О, заботливая Леди,
Плед не нужен вовсе Леде!
Уверяю вас: для Лед
Нужен лебедь, а не плед!

КОРОЛЬ И ШУТ

ПЯТЬ МИНУТ

1

Бьет полдень! И чеканным шагом
Наряд дворцовых егерей,
Склонившись к золоченым шпагам,
У королевских встал дверей!

В заботах вечных о народе,
Любовью к подданным согрет,
Его величество проходит
На 5 минут в свой кабинет!

«Parbleu[1]! Как вы неосторожны!
Эй, тише там! Эй, чернь, молчать!
Тсс! Тише! Тише! Разве можно
Его величеству мешать?!»

2

Настала ночь! Потухли свечи,
Оделся тьмой дворцовый сад...
Лишь под боскетом[2] чьи-то плечи
Зигзагом молнии блестят...

---

[1] Черт возьми! *(фр.)*
[2] Часть парка или сада с правильными аллеями и подстриженными деревьями.

Забыв на время о народе
И чуть нарушив этикет,
Его величество проходит
На 5 минут к мадам Жоржет...

«Parbleu! Как вы неосторожны!
Эй, тише там! Эй, чернь, молчать!
Тсс! Тише! Тише! Разве можно
Его величеству мешать?!»

3

Блеснуло утро! И, как птица,
Сквозь смятый строй рапир и шпаг
Над побледневшею столицей
Взметнулся гневно красный флаг!

И снова, вспомнив о народе,
Увидев в первый раз народ,
Его величество восходит
На 5 минут — на эшафот!

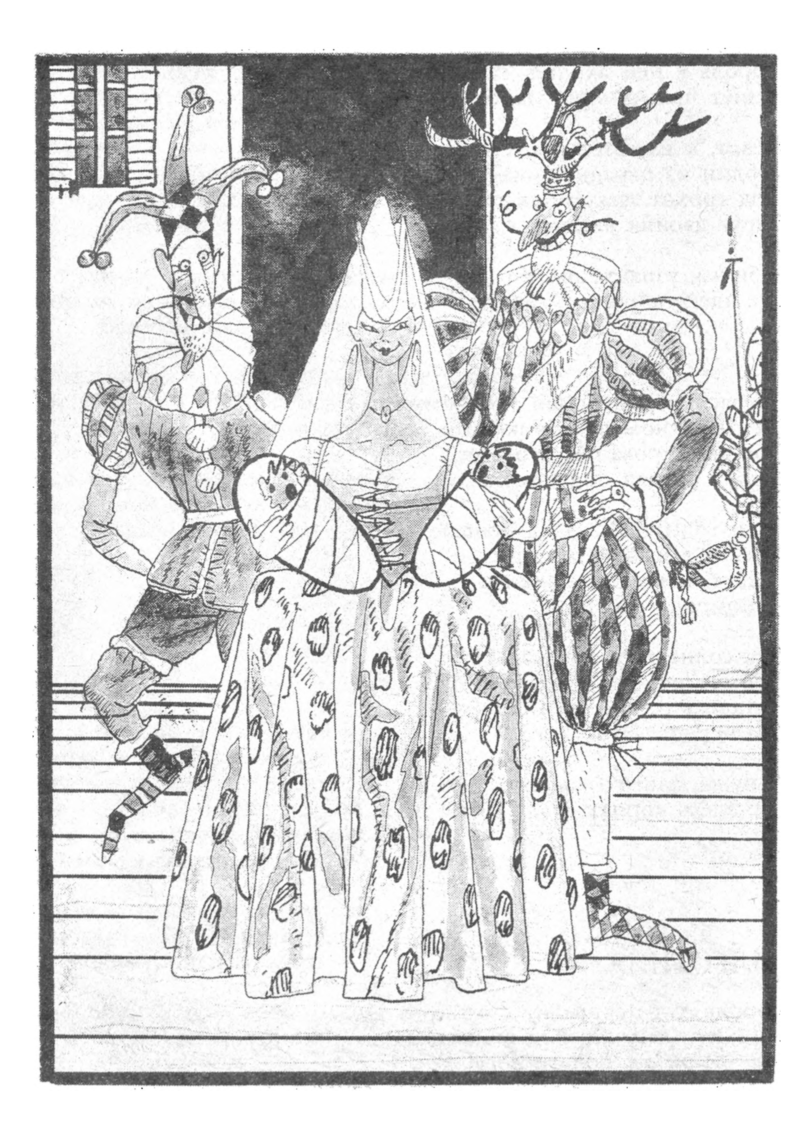
«Parbleu! Как вы неосторожны!
Эй, тише там! Эй, чернь, молчать!
Тсс! Тише! Тише! Разве можно
Его величеству мешать?!»

КОРОЛЬ И ШУТ

1

Жил-был в некоем царстве когда-то
Могучий король Альтоном...
А с ним королева Беата
И шут в красной шапке с пером...

Беата подобна Венере!
И в спальню, лишь станет темно,

Король к ней входил, стукнув в двери...
А шут прямо через окно!..

И вот, к изумленью старушек,
В один из параднейших дней,
Под грохот ликующих пушек
Вдруг двойня явилась у ней!..

А ну-ка, узнайте вы тут,
Где здесь король и где шут?

2

Согласно придворной программе
На радостном празднике том
Король пировал за столами,
А шут доедал под столом...

Шли годы так!.. И на финале,
Хотя и в различные дни,
И шут, и король поикали
И померли оба они!..

Как солнечный луч на обоях,
Промчались столетья... И вот
Остались от них от обоих
Два черепа! Этот и тот!

А ну-ка, узнайте вы тут,
Где здесь король и где шут?!

ГИЛЬОТИНА

Король дал пергамент с печатью кольца —
Внести гильотину под окна дворца!
        Барабан, бей тревогу!

Запели литавры и трубы! И вот:
Сбежался на площадь вприпрыжку народ!
Барабан, бей тревогу!

Но дни, месяца и года у окна
Стояла, не вздрогнув ни разу, она!
Барабан, бей тревогу!

Но как-то, услышав под окнами гул,
Король из окошка платком ей махнул!
Барабан, бей тревогу!

И вздрогнула сталь! И был долог и густ
В стране той голов перерезанных хруст!
Барабан, бей тревогу!

И, мертвыми веками зашевеля,
Последней была голова короля!
Барабан, замолчи!

ЕЛИСАВЕТ

Ау, века? Ах, где ты, где ты,
Веселый век Елизаветы,
Одетый в золото и шелк?..
Когда в ночи, шагая левой,
Шел на свиданье, как Ромео,
К императрице целый полк!

Когда на царском фестивале
Сержанты томно танцевали
С императрицей менуэт...

Любила очень веселиться
Веселая императрица
Елисавет!

Ау, века? Ах, где ты, где ты,
Веселый век Елизаветы,
Когда на площади Сенной
Палач в подаренной рубахе
К ногам царицы с черной плахи
Швырнул язык Лопухиной!

И крикнул с пьяною усмешкой:
«Эй, ты, честной народ, не мешкай!
Кому язык? Берешь, аль нет?!»

Любила очень веселиться
Веселая императрица
Елисавет!

ВОТ И ВСЕ!

1

В саду у дяди-кардинала,
Пленяя грацией манер,
Маркиза юная играла
В серсо с виконтом Сен-Альмер.

Когда ж, на солнце негодуя,
Темнеть стал звездный горизонт,
Тогда с ней там в игру другую
Сыграл блистательный виконт...

И были сладки их объятья,
Пока маркизу не застал
За этим ветреным занятьем
Почтенный дядя-кардинал.

В ее глазах сверкнули блестки
И, поглядевши на серсо,
Она поправила прическу
И прошептала: «Вот и все!»

2

Прошли года!.. И вот без счета
Под град свинца — за рядом ряд —
Ликуя, вышли санкюлоты
На исторический парад...

«Гвардейцы, что ж вы не идете?»
И в этот день, слегка бледна,
В последний раз — на эшафоте
С виконтом встретилась она...

И перед пастью гильотины
Достав мешок для головы,
Палач с галантностью старинной
Спросил ее: «Готовы ль вы?»

В ее глазах потухли блестки,
И, как тогда, в игре в серсо,
Она поправила прическу
И прошептала: «Вот и все!»

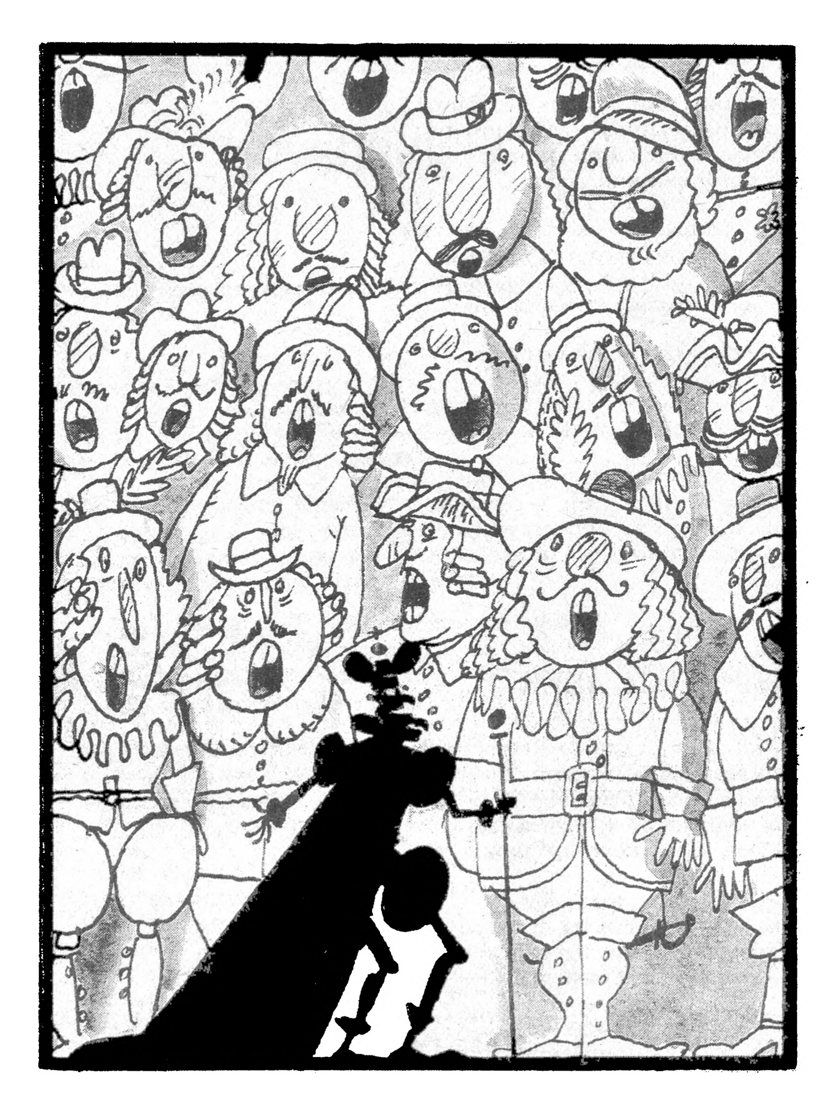
ПРИНЦЕССА АННА

1

Из своей опочивальни,
Чем-то очень огорчен,
Побледневший и печальный
Вышел в зал король Гакон.

И в тоске невыразимой
Молвил, вставши на ступень:
«Здравствуй, мой народ любимый!»
И сказали: «Добрый день» —

114 гофмейстеров,
30 церемониймейстеров,

48 камергеров,
345 курьеров
И 400 пажей!..

2

И дрожа, как от озноба,
Продолжал Гакон-король:
«Нам сейчас одна особа
Причинила стыд и боль!

Видно, нас днесь в это лето
За грехи карает бог!
Что вы скажете на это?»
И сказали грустно: «Ох!» —

114 гофмейстеров,
30 церемониймейстеров,
48 камергеров,
345 курьеров
И 400 пажей!..

3

«Наша дочь принцесса Анна,
Позабыв свои дела,
Неожиданно и странно
Нынче сына родила!

Мы б узнать от вас хотели
(Будьте ж честны и прямы!),
Кто замешан в этом деле?!»
И сказали тихо: «Мы!» —

114 гофмейстеров,
30 церемониймейстеров,
48 камергеров,
345 курьеров
И 400 пажей!..

РАССЕЯННЫЙ КОРОЛЬ

1

Затянут шелком тронный зал.
На всю страну сегодня
Король дает бессчетный бал
По милости господней.

Как и всегда, король там был
Галантен неизменно
И перед дамой преклонил
Высокое колено...

Старый шут, покосившись на зал,
Подняв тонкую бровь, прошептал:
«Он всегда после бала веселого
Возвращается без головы!..
Как легко вы теряете голову!
Ах, король, как рассеянны вы!»

2

Затянут красным тронный зал!
На всю страну сегодня
Народ дает свой первый бал
Без милости господней!

Как и всегда, король там был
Галантен неизменно
И перед плахой преклонил
Высокое колено...

Старый шут, покосившись на зал,
Подняв тонкую бровь, прошептал:
«Он всегда после бала веселого
Возвращается без головы...
Как легко вы теряете голову!
Ах, король, как рассеянны вы!..»

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ВДАЛИ ОТ ТЕБЯ, ПЕТЕРБУРГ

Разбросано много
Дорога в дорогу
По миру стран всяких вокруг...
Но все эти страны
Так чужды и странны
Вдали от тебя, Петербург!

Пусть звезды там краше!
Пусть Солнце там пляшет
И пусть золотится бамбук,
Черны, как погосты,
Все солнца и звезды
Вдали от тебя, Петербург!

И хоть вечно тут он
Туманом закутан,
Но в Солнце нездешнем — ах, вдруг —
Так сердцу желанны
Волокна тумана
Вдали от тебя, Петербург!

И в Ниццкой аллее
Мне дождь твой милее!
И хочется питерских вьюг!

И нету покоя
Плененным тобою
Вдали от тебя, Петербург!

ЗАМОРСКИЕ ПАВЫ

У заморских пав краса
Никогда не хмурится!
Перед их красой глаза,
Как от солнца, жмурятся!

Истукана вгонят в дрожь
Взоры их испанские!
Только мне милее все ж
Наши-то: рязанские!

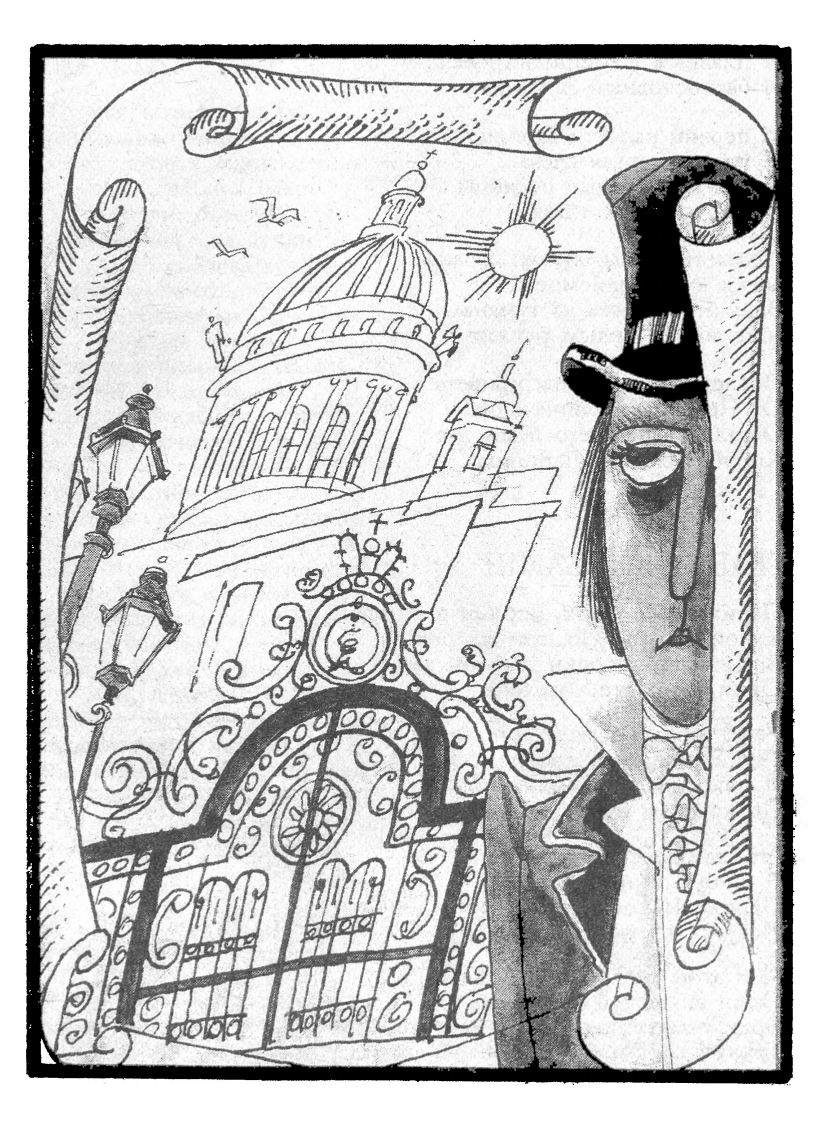
Эх, ты, Русь моя! С тебя
Глаз не свел ни разу я!
— Эх, ты, русая моя!
Эх, голубоглазая!

КОРОБКА СПИЧЕК

Как вздрогнул мозг! Как сердце сжалось!
Весь день без слов! Вся ночь без сна!
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек Лапшина...

Ах, сердце — раб былых привычек!
И перед ним виденьем, вдруг
Из маленькой коробки спичек
Встал весь гигантский Петербург:

Исакий! Петр! Нева! Крестовский!
Стозвонно-плещущий Пассаж!

И плавный Каменноостровский!
И баснословный Эрмитаж!

И первой радости зарница!
И грусти первая слеза!..
И чьи-то длинные ресницы...
И чьи-то серые глаза...

Поймете ль вы, чужие страны,
Меня в безумии моем?
Ведь это юность из тумана
Мне машет белым рукавом...

Последним шепотом привета
От Петербурга лишь одна
Осталась мне всего лишь эта
Коробка спичек Лапшина...

ГРАНИТНЫЙ БАРИН

Париж, Нью-Йорк, Берлин и Лондон!
Какой аккорд! Но пуст их рок!
Всем четырем один шаблон дан,
Один и тот же котелок!

Ревут моторы, люди, стены,
Гудки, витрины, провода...
И, обалдевши совершенно,
По крышам лупят поезда!

От санкюлотов до бомонда
В одном порыве вековом
Париж, Нью-Йорк, Берлин и Лондон
Несутся вскачь за пятаком!..

И в этой сутолке всемирной
Один на целый мир вокруг
Брезгливо поднял бровь Ампирный
Гранитный барин Петербург!

В. О. 17 Л.

Вот раскрытое окошко!..
И задумчиво сидит
В том окошке рядом с кошкой
Госпожа Агнесса Шмидт.
Где-то мерно бьет «12»...
И, взглянувши на чулки,
Стала тихо раздеваться
Госпожа Агнесса... И —
   Ах, Агнессочка, Агнессочка!..
   Опустилась занавесочка!..
Через миг довольно резко,
Совершенно невзначай,
Вдруг поднялась занавеска!..
   — Ай, Агнесса! Ай-яй-яй!..
Рядом с ней, в любви неистов,
В совершенном забытьи
Господин судебный пристав
Страстно шепчет что-то... И —
   Ах, Агнессочка, Агнессочка!..
   Опустилась занавесочка!
Через миг, ужасно резко,
Чьей-то гневною рукой
Вновь поднялась занавеска!
   — Ой, Агнесса! Ой-ой-ой!..
Ах, как грустно! Ах, как жалко
Неудачников в любви!
Муж Агнессы с толстой палкой
К ним подходит быстро... И —
   Ах, Агнессочка, Агнессочка...
   Опустилась занавесочка!..

НА «ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЕ»

Все это было в переулке
На «Петербургской Стороне»,
Где все шаги чрезмерно гулки...

И в поэтической прогулке
Вы поболтать позвольте мне
О том, что было в переулке
На «Петербургской Стороне»...

В том переулке был домишко,
Ну, а в домишке том — «она»
С полуразрезанною книжкой,
С тоской, вязаньем и Амишкой —
Майора некаго жена!
В том переулке был домишко,
Ну, а в домишке том — «она»!

Майор! Майор! Но где майор же?
Майор воюет на войне!
Что может быть на свете горше
Судьбы скучающей майорши
На «Петербургской Стороне»?
Майор! Майор! Но где майор же?
Майор воюет на войне!

Но вот коллежский регистратор
Встал перед нею «á genoux»[1]
И, сделав под окном сперва тур,
В любви пылая, как экватор,
Прельстил майорову жену
Коллежский этот регистратор,
Пред нею вставши «á genoux».

Что ж? Кроме всяческих военных,
Есть и гражданские чины!
И, не позоря чин военный,
Мы беспристрастно совершенно
Отметить все же тут должны,
Что, кроме всяческих военных,
Есть и гражданские чины!

---

[1] На колени *(фр.)*.

ДАМА В КАРЕТЕ

В Париж! В Париж! Как сладко-странно
Ты, сердце, в этот миг стучишь!..
Прощайте, невские туманы,
Нева и Петр! — В Париж! В Париж!

Там дым всемирного угара,
Rue de la Paix, «Grande Operá»,
Вином залитые бульвары
И — карнавалы до утра!

Париж — любовная химера!
Все пало пред тобой уже!
Париж Бальзака и Бодлера,
Париж Дюма и Беранже!

Париж кокоток и абсента,
Париж застывших Луврских ниш,
Париж Коммуны и Конвента
И — всех Людовиков Париж!

Париж бурлящего Монмартра,
Париж Верленовских стихов,
Париж штандартов Бонапарта,
Париж семнадцати веков!

И тянет, в страсти неустанной,
К тебе весь мир уста свои,
Париж Гюи де Мопассана,
Париж смеющейся любви!

И я везу туда немало
Добра в фамильных сундуках:
И слитки золота с Урала,
И перстни в дедовских камнях!

Пускай Париж там подивится,
Своих франтих расшевеля,
На черно-бурую лисицу,
На горностай и соболя!

Но еду все ж с тоской в душе я!
Дороже мне поклажи всей
Вот эта ладанка на шее!
В ней горсть родной земли моей!

Ах, и в аллеях Люксембурга,
И в шуме ресторанных зал —
Туманный призрак Петербурга
Передо мной везде стоял!..

Пусть он невидим! Пусть далек он!
Но в грохоте парижских дней
Всегда, как в медальоне локон,
Санкт-Петербург — в душе моей!

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Белой мертвой странной ночью,
Наклонившись над Невою,
Вспоминает о Минувшем
Странный город Петербург...

Посмотрите! Посмотрите!
У Цепного Моста кто-то
В старомодной пелерине
Неподвижно смотрит вдаль...

Господин в крылатке тихо
Про него шепнул другому:
«Николай Васильич Гоголь —
Сочинитель «Мертвых душ»...

У Сената, сдвинув брови,
Гнет сверкающую шпагу
Незнакомец в треуголке
С пистолетом при бедре...

Отчего так странно-бледен
Незнакомец в треуголке?
Отчего сжимает петля
Золоченый воротник?

Чу! К нему, гремя оружьем,
С двух сторон подходят двое!..
Подошли! — «Полковник Пестель,
Нас прислал к вам государь!»

Белой мертвой странной ночью,
Наклонившись над Невою,
Вспоминает о Минувшем
Странный город Петербург...

Посмотрите! Посмотрите!
Вот задумался о чем-то
Незнакомец в альмавиве[1],
Опершись на парапет...

С Петропавловской твердыни
Бьют Петровские куранты,
Вызывая из могилы
Запоздавших мертвецов...

И тотчас же возле Арки —
Там, где Зимняя Канавка,—
Белый призрак белой дамы
Белым облаком сошел...

Зазвенели где-то шпоры...
И по мертвому граниту
К мертвой даме на свиданье
Мчится мертвый офицер...

«Германн!» — «Лиза!» И, тотчас же,
Оторвавшись от гранита,

---

[1] Короткий испанский плащ *(исп.)*.

Незнакомец в альмавиве
Смуглый профиль повернул!..

«Александр Сергеич, вы ли,
Вы ли это тот, чье имя
Я в своих стихах не смею
До конца произнести?..»

Белой мертвой странной ночью,
Наклонившись над Невою,
Вспоминает о Минувшем
Странный город Петербург...

СНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ

Прощайте, немцы, греки, турки,
И здравствуй, русская земля!
В своем я снова Петербурге,
Я снова русский! Снова — «я»!

Еще вчера я был не русским!
И, запахнувшись в черный дым,
Гранитный воздух Петербургский
Еще вчера был не моим!

Сегодня ж, странный и бессонный,
Брожу по Невской мостовой
И с Александровской Колонной
Взлетевшей чокаюсь мечтой!

И в небо Питера, бледнея,
Уходит беженский угар...
И вновь я рифмою своею —
Целую Невский тротуар!..

ГРУЗОВИК № 1317

МЫ

Некие в смокинг одетые атомы,
Праха веков маринованный прах,
Чванно картавят, что, мол, «азиаты мы»,
На европейских своих языках!

Да! Азиаты мы! Крепкое слово!
В матерном гневе все наши слова!
Наши обновы давно уж не новы:
Киев и Новгород! Псков и Москва!

В наших речах — курский свист соловьиный,
Волга и Днепр! Океан и фиорд!
В наших речах — грохот снежной лавины,
Ржанье и топот Батыевых орд!

В наших глазах — золотой щит Олега,
Плеть Иоанна! Курганная тишь!
Мертвенный холод Байкальского снега,
Пламя Москвы и плененный Париж!

Эй, на запятки! Не вам ли завялым
Путь преградить разъярившимся нам?
Или, озлившись, мы хлопнем Уралом
По напомаженным вашим башкам!

В наших плечах — беломорские скалы!
В наших ушах — храп медвежьих берлог!
В наших сердцах — самоцветы Урала!
В нашей груди — древний каменный бог!

ГРУЗОВИК № 1317

1

Весь машинный свой век, каждый день по утрам
Волоча свои старые шины,
По брезгливым гранитным колонным домам
Развозил он шампанские вина!

И глотали в свои погреба-животы
Эти вина по бочкам с присеста
Их раскрытые настежь гранитные рты —
Обожженные жаждой подъезды.

И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
Весь свой век должен был по подъездам таскаться
Грузовик № 1317.

2

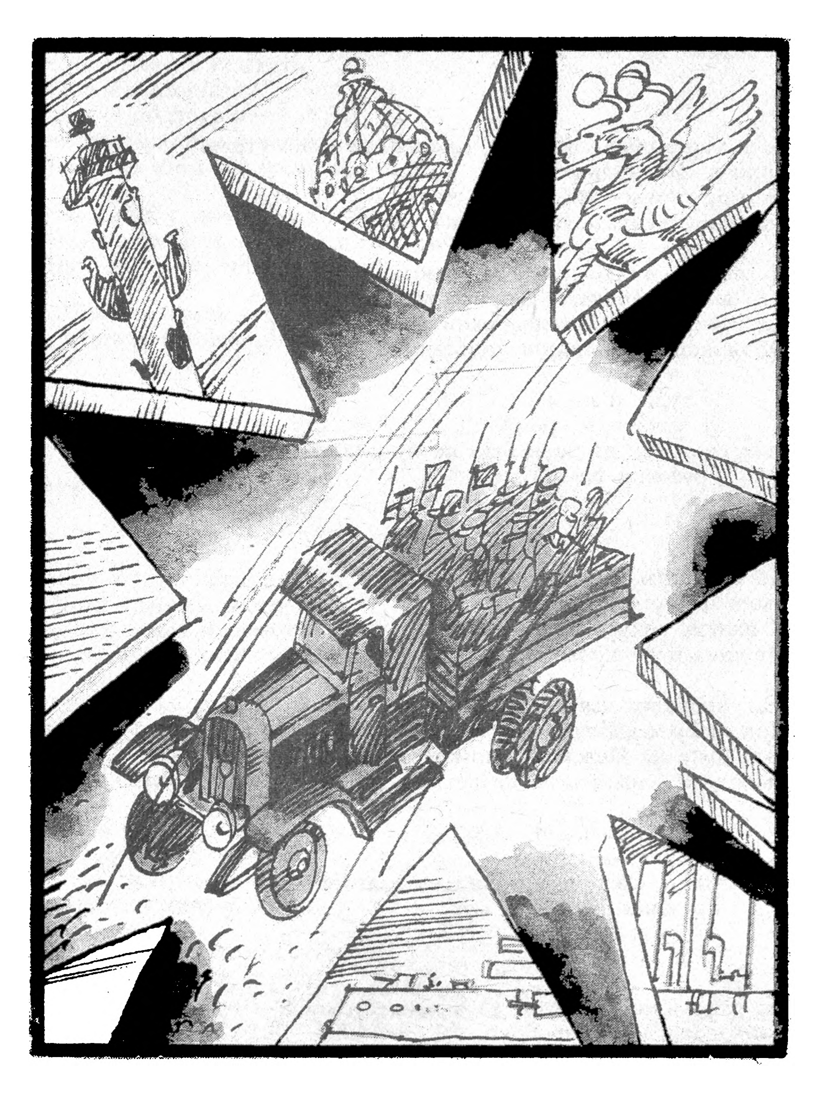
Но однажды наутро у этих домов
Были начисто выбиты стекла!
И панель вокруг них вглубь на много шагов
От вина и от крови промокла!

«Эй, подвалы, чья доля лежит издавна
Под любым каблуком на паркете,
Выходите на Невский — ломать времена!
Выходите — шагать по столетьям!»

И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
Покатил за Свободу по улицам драться
Грузовик № 1317.

3

Но открылись фронты! О, услышав сигнал,
Он увесисто и кривобоко

Наступал, отступал и опять наступал
От Варшавы до Владивостока.

И ходил он насупившись — издалека
На Деникинские аксельбанты,
На тачанки Махно, на штыки Колчака
И на хмурые танки Антанты!

И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
Второпях во весь мах по фронтам стал шататься
Грузовик № 1317.

4

На поля неостывших побед из нутра
Отощавшей земли вылез Голод!
И наотмашь схватил от двора до двора
Города и деревни за ворот!

И, шагая по смятой Руси напролом
Уходящими в землю шагами,—
Из Лукошка Поволжья кругом, как зерном,
Он засеял поля костяками!

И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
С воблой тут по Руси, как шальной, стал мотаться
Грузовик № 1317.

5

Поднатужились нивы в России! И вот:
По Москве он в день Первого мая,
Запыхавшись от новых нежданных хлопот,
Октябрят полным ходом катает!

Октябрята на нем — воробьев веселей!
Не желают слезать добровольно!
И машиною, новою нянькой своей,
Октябрята ужасно довольны!

И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
С октябрятами нянькой решил впредь остаться
Грузовик № 1317.

ТРАМВАЙ «А»

1

Давайте-ка устроим чистку
Средь коломбин и апашей!
Ведь наши «замы» и модистки,
Кассиры и пиш-машинистки
В любви тех будут не глупей!
Давайте же устроим чистку
Средь коломбин и апашей!

2

Она — кассирша в «Спичка-тресте»
А он — Врид-зам-пом-пом-пом-зам!
Все началось с того, что вместе,
Под вопль кондукторский «не лезьте»
Бочком пролезли все же в трам:
Она — кассирша в «Спичка-тресте»
И он — Врид-зам-пом-пом-пом-зам!

3

В своих движеньях эксцентричен
Трамвай маршрута буквы «А»!
И очутились механично
Они в объятьях романтичных
От двадцать третьего толчка!
В своих движеньях эксцентричен
Трамвай маршрута буквы «А»!

4

Когда-то были купидоны!
Теперь их «замом» стал трамвай!
И перед ними благосклонно —
Через неделю по закону —
Открылся загса тихий рай...
Когда-то были купидоны,
Теперь их «замом» стал трамвай!

5

И дети их снимали кепки
Перед трамваем с буквой «А»,
И, факт рожденья помня крепко,
Махали долго вслед прицепке!
И с благодарностью всегда
Детишки их снимали кепки
Перед трамваем с буквой «А».

КЕПКА

1

Кепка! Простецкая кепка!
На миллионы голов
Влезла ты с маху! И крепко
Села цилиндрам назло!

Видел весь мир, изумленно
Ахнувши из-за угла,
Как трехсотлетней короне
Кепка по шапке дала!

2

И, набекрень съехав малость
От передряг, — во весь мах

Долго и крепко ты дралась
На разъяренных фронтах!

И, без патрон и без хлеба
Лбом защищая Москву,
Нет такой станции, где бы
Ты не валялась в тифу!

3

От Чухломы до Урала
В морду былому житью
Это не ты ли орала
Новую Правду свою?!

И на фронтах, и на Пресне,
Мчась по столетьям в карьер,
В небо горланила песни,
Славя свой С.С.С.Р.

4

Ну-ка, вот! В той перебранке
Той небывалой порой:
От револьвера до танка
Кто не сшибался с тобой?

Но, поднатужась до пота,
Все же, к двадцатым годам,
Даже антантным дредноутам
Кепка дала по шеям!

5

Бешены были те годы!
И на всех митингах ты
С дьяволом, с богом, с природой
Спорила до хрипоты!

И, за голодных индусов
Кроя Керзона весьма,

В это же время со вкусом
Воблу жевала сама!

6

Кончились годы нахрапа!
Ты — на весь мир! И, глядишь, —
Перед тобой сняли шляпы
Лондон, Берлин и Париж!

Кепка! Простецкая Кепка!
Средь мировой бедноты
Медленно, тяжко, но крепко
Ставишь свои ты посты!..

7

Кепка! Простецкая Кепка!
Вот что наделала ты!

КИРПИЧНАЯ ПЕСЕНКА

1

Собою невелички,
Знай, маялись в пыли.
Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои...

И господа из города
В перчаточках своих
Презрительно и гордо
Ворочались от них!..

И долго от обидчиков
Кряхтели, как могли:
— Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои...

2

Но вот сердит стал с виду
Простой народ! И, глядь:
Обидчикам обиды
Вдруг стал припоминать!

Озлившись, в день осенний
Взъерошились штыки,
И на дворцы с гуденьем
Пошли грузовики!

И в головы обидчиков
Летали, как могли:
— Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои!

3

А после всех событий
Народ к ним шасть опять:
«Кирпичики, идите
Домишки нам латать!»

И, с края и до края,
На всяческий манер
Кирпичики латают,
Кряхтя, С.С.С.Р.

Собою невелички,
Да — умницы они:
Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои!..

МЭРИ ПИКФО́РД

1

В Америке где-то
Судя по газетам,
Есть город такой — «Голливуд»...
И в городе этом,
Судя по газетам,
Лишь киноактеры живут!

И там неизменно
Пред всею вселенной
Сквозь первый в Америке взор,
Как синие птицы,
Трепещут ресницы
У маленькой Мэри Пикфорд!

2

В Париже, на Яве,
В Тимбукту, в Варшаве,
От Лос-Анжелос до Ельца
Пред маленькой Мэри
Раскрыты все двери
И настежь раскрыты сердца!..

И каждый свой вечер,
Стремясь к ней навстречу,
Следят по экранам в упор
Глаза всего света
За маленькой этой,
За маленькой Мэри Пикфорд!

3

И вечером сонным
Для всех утомленных
Своей кинофирмой дана,
Восходит багряно

На киноэкранах,
Как Солнце ночное, она!

И вьется, и мчится
По вздрогнувшим лицам
Тот первый в Америке взор!..
И сколько улыбок
На свете погибло б
Без маленькой Мэри Пикфорд?!.

КООП-ЛАРЕК

Из пары старых досок
Родив себя, как мог,
Стоит на перекрестке
Цветной Кооп-Ларек...
  В нем что угодно купишь
  В два счета! Он — такой:
  По виду — словно кукиш,
  Но — очень деловой!
Заморские базары,
Крича издалека,
Шлют разные товары
Для этого Ларька.
  Берлин, Варшава, Вена
  И Ява, и Кантон
  Торгуются степенно
  С цветным Кооп-Ларьком!
И тут на перекрестке
От дел таких слегка
Потрескивают доски
Советского Ларька...
  И вспоминают, тужась,
  Как 8 лет назад
  Они лежали тут же
  На баррикадах в ряд!

МОССЕЛЬПРОМЩИЦА № ... (не знаю!)

1

Коммерчески спокоен,
В панель упрямо врос
Промышленной ногою
Лоток для папирос!

И, с жаром расширяя
Промышленность, втроем
Перед клиентом с края
Склонились над лотком:

— Прядь упрямая, плюс
Моссельпромский картуз,
А под ним — деловая
Такая
Моссельпромщица № ... (не знаю!)

2

Но, кроме всяких «Пери»
И прочих папирос,
Ведь есть в СССР'е
Еще и — Наркомпрос!

И ночью, совершенно
Забыв про Моссельпром,
Над книгою толщенной
Склоняются втроем:

Прядь упрямая, плюс
Моссельпромский картуз,
А под ним — деловая
Такая
Моссельпромщица № ... (не знаю!)

3

Пожалуй, вы поймете,
Что так всю жизнь сполна
Учебе да работе
Она обречена?!

Она — не морс в стакане!
У ней кровь бьет ключом!
И часто на свиданье
Бегут стремглав втроем:

— Прядь упрямая, плюс
Моссельпромский картуз,
А под ним — деловая
        Такая
Моссельпромщица № ... (не знаю!)

ШПАГА ДЕКАБРЯ

На снежной площади, собою
В полдня столетье озаря,
Среди музейного покоя
Белеет шпага Декабря...

    И до сих пор еще — в печали
    Она вздыхает над собой...
    Ее недаром ведь ломали
    Над декабристской головой!

Она восстала! И — упала!
Из ножен вырвавшись, она
Была по первому сигналу
Кивком царя побеждена!

    И всласть над ней смеялись пушки,
    И гроб ее оплеван был!..

Лишь Александр Сергеич Пушкин
Ее стихами окропил...

И, хоть она гремит всесветно,
Но, гладя сломанный клинок,
Нет-нет и вздрогнет чуть приметно
Ее музейный номерок...

СМЕРТЬ ПОЭТА

Знайте: как-то, когда-то и где-то
Одинокий поэт жил да был...
И всю жизнь свою, как все поэты,
Он писал, пил вино и любил.

Обогнавши Богатство и Славу,
Смерть пришла и сказала ему:
«Ты — поэт и бессмертен!.. И, право,
Как мне быть, я никак не пойму!»

Улыбаясь, развел он руками
И с поклоном промолвил в ответ:
«В жизни я не отказывал даме!
Вашу руку!»
И умер поэт...

СОДЕРЖАНИЕ

АГНИВЦЕВ Николай Яковлевич

ГРАНИТНЫЙ БАРИН

Составитель В. А. Широков
Редактор А. С. Пьянов
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 10.10.89. Подписано к печати 30.10.89.
Формат $70 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,45. Уч.-изд. л. 2,04.
Тираж 100000. Заказ № 1389. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

25 коп.

Индекс 72996

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1990. № 1. 1—48.

